

ОСТРОВА, ЗАБЫТЫЕ ВРЕМЕНЕМ

ЛОУРЕНС ГРИН

Английский писатель Лоуренс Г. Грин побывал на многих затерянных в океане островах и опубликовал воспоминания о своих путешествиях под названием «Острова, забытые временем».

Мы публикуем главы из этой книги в переводе с английского Георгия Головнева.

ТРИСТАН ХРАНИТ СЕКРЕТЫ

ДЛЕКО-ДАЛЕКО, среди морских бурь, яркого солнечного света и чистого воздуха Южной Атлантики лежит остров с секретом, которым хотели бы обладать медики всех стран и народов. Остров этот — Тристан-да-Кунья¹, а секрет — долголетие и отличное здоровье его обитателей.

Несомненно, и другие острова могут похвастаться своими долгожителями, ибо люди, живущие изолированно от внешнего мира, гарантированы от эпидемий и тяжелых заболеваний больших городов. Но Тристан побивает в этом отношении все рекорды — как будто люди этого острова живут совсем в другом мире, в мире, навсегда освободившемся от болезней.

В ранние годы моих путешествий по островам я находил много способов посетить черный вулканический берег Тристана. В двадцать лет я работал репортером одной газеты, и мне не однажды удавалось уговорить капитана каботажного судна взять меня в плавание. Примерно раз в год каботажник ходил из Саймонстауна к Тристану с почтой и продуктами для островитян. Тогда другой возможности посетить остров не было. Таким образом, я был более чем счастлив, ступив впервые на Тристан в 1920 году; судьба улыбнулась мне и в 1923 году, когда я провел на острове несколько дней, попав туда с «очередной почтой». Что-то постоянно тревожило меня в те молодые годы, побуждая меня снова и снова искать случая попасть на Тристан-да-Кунью.

¹ Тристанский вулкан считался потухшим, но в 1961 году произошло его извержение, которое заставило 270 жителей острова покинуть край своих отцов. Я встречал их в Кейптауне; они все чувствовали себя не в своей тарелке в этом чуждом для них внешнем мире, но тем не менее до конца своих дней оставались наивно благородными простаками, какими они были на Тристане. Эта глава была написана до извержения вулкана, и я ничего не изменил в ней. Весьма возможно, что некоторые островитяне делеют мечту вернуться когда-нибудь на остров и снова зажить робинзонкрузовской жизнью своих отцов и дедов. И, вероятно, почти все возвратились бы туда, если бы им представилась такая возможность. Поговаривают, что там остались зарытые клады.

Сейчас этот демон беспокойства несколько утихомирился, трансформировавшись в желание разгадать великую медицинскую мистерию острова. Первое, что буквально поражает каждого вновь прибывшего на остров, — это великолепное здоровье его жителей: и старых и малых. Вскоре вы обнаруживаете, что способность островитян доживать до глубокой старости — качество наследственное и что само по себе это явление не таит ничего опасного для окружающих. В нашем нынешнем мире люди, живущие в нормальных условиях, рассчитывают, как правило, дотянуть до семидесяти; а для островитян Тристана (особенно для женщин) семьдесят — это возраст лишь где-то выше среднего, и они еще достаточно активны в девяносто.

Доктора и зубные врачи проверяют островитян время от времени, но ни одна из медицинских комиссий не может, естественно, провести на острове столько лет, сколько необходимо, чтобы разрешить эту загадку. Я ходил от дома к дому в 1923 году вместе с военно-морским врачом, посланным на остров специально, чтобы составить отчет о состоянии здоровья этого удивительного маленького народа и изучить также «эффект кровосмешения», то есть результаты браков между кровными родственниками (сегодня вы найдете на острове более двухсот жителей — все они являются потомками брачных союзов от первоначальных восьми мужчин и семи женщин²).

Этот военно-морской врач уверял меня, что потомство от браков между двоюродными братьями и сестрами было абсолютно здоровым. Когда же он столкнулся с феноменальным явлением — великолепными зубами у всех островитян и их долголетностью, то был совсем ошарашен.

— Секрет долголетия — в чем он? О, если бы у меня было достаточно времени! — сказал мне врач. — А что я могу сделать за три дня? Тут нужно три года — за этот срок что-нибудь можно было бы узнать.

² Пятеро первоначальных поселенцев острова уговорили дружески расположенного к ним капитана Амму, торговая шхуна которого часто заходила на Тристан, привезти им пять женщин с острова Св. Елены. Капитану Амму оказалось нетрудным найти добровольцев на Св. Елене: при помощи губернатора острова были отобраны пять женщин, здоровые, с покладистыми характерами. Но четыре из них были цветные, а одна — негритянка, и капитану Амму пришлось крепко подумать, прежде чем везти свой романтический груз на Тристан. Это было в 1821 году. Он прибыл на рассвете, ссадил женщин на берег и поспешил уплыть, пока будущие мужья безмятежно спали. Мужчины пытались выразить недовольство, но других вариантов, видимо, не было, и в конце концов все благополучно переженились между собой и хорошо жили. Позднее на острове поселились еще две пары.

После моих первых двух визитов я имел возможность поддерживать постоянный контакт с тристанцами, не выезжая на остров. Джон Хагэн, интеллигентный островитянин, поселившийся в Кейптауне в конце прошлого века, оказался для меня самым полезным информатором. Он посетил свою родину вместе со мной на каботажнике в 1923 году и обратил мое внимание на такие детали островной жизни, которые я сам никогда бы не заметил. Его собственный жизненный путь не был лишен приключений и драматических эпизодов, и мне показалось заманчивым узнать поближе человека с далекого острова, сумевшего приспособиться к непривычной жизни города и выжить в нем.

Это был высокий, крепкий блондин, с голубыми глазами и длинными красивыми усами, совершенно непохожий на типичного смуглого тристанца. Хагэн прибыл в Кейптаун перед самой англо-бурской войной, участвовал в ней, а после окончания войны поступил работать в трамвайную компанию вагоновожатым. Единственными известными ему до этого колесными экипажами были тачки и запряженные волами повозки, но он довольно быстро приуспокоился к электричеству и водил по Кейптауну старые открытые трамваи, которые были тогда самым быстрым транспортным средством. Он подобрал меня сотни раз на остановке «Оранжевая улица», по пути из школы домой. Хагэн вышел на пенсию после сорокатрехлетней службы в трамвайной компании, а умер в возрасте семидесяти одного года. (Его мать, верная островной традиции долгоживущих женщин, отлично чувствовала себя до самой смерти и скончалась в девяносто лет.) Хагэн оживил передо мной многие страницы прошлого Тристана, часто рассказывая мне о родине; от него я получил несколько нитей, ведущих к тайне удивительного здоровья островитян.

Меня всегда мучил вопрос: прожил бы сам Хагэн много дольше на свете, если бы остался на Тристане? У него была нелегкая жизнь: зимой многие часы в трамвайном вагоне, где водитель почти ничем не защищен от яростного дождя, за исключением легкого капюшона на голове. Я думаю, что его жизнь укоротила цивилизация. Там, на Тристане, жилища освещают лампами с пингвиньим жиром, и мерцающие лучи такой лампы для Хагэна были бы, вероятно, более полезны, чем электрический свет буферных фар кейптаунского трамвая.

Как-то раз я спросил Хагэна, почему женщины на острове живут дольше, чем мужчины. Он дал мне понять, что Тристан — не Утопия и дело, видимо, в том, что на острове мужчины часто умирают случайной, неестественной смертью. Трое из первых поселенцев исчезли без следа в один прекрасный день — скорее всего, были убиты. Беглец с китобоя прожил одиннадцать лет на острове, постепенно сходя с ума, и потом вдруг утопился. Матрос, спасенный после кораблекрушения, упился до смерти, обнаружив бочонок рому, прибитый к берегу. Другой потерпевший кораблекрушение тоже тронулся умом, бродил по горе месяца два, питаясь в основном яйцами морских птиц, и умер, по всей вероятности, от солнечного удара. Дед самого Хагэна перерезал себе вены, уединившись на берегу, — так кончилась его многолетняя вражда с десятником — начальником острова. Несколько островитян нашли свою смерть, свалившись с крутых скал. Один или два — на счету у акул. Кто-то умер от ушибов и увечий, охотясь за горными козлами. Маленького мальчика унесло в море разбушевавшейся в результате ливня горной речкой, протекающей через поселок, и он нигде потом не был обнаружен.

Самым трагичным был случай с одним вельботом в 1885 году; это было не только несчастье, но и непостижимая мистерия с медицинскими последствиями. Пятнадцать мужчин (тринадцать из них — семейные) вышли в море на деревянном вельботе навстречу торговому паруснику, проходящему мимо острова. Вельбот был подарен островитянам британским правительством за помощь потерпевшим кораблекрушение и обладал лучшими мореходными качествами, чем их собственные парусные лодки. Кроме людей, на вельботе было несколько голов домашней скотины, которую островитяне надеялись поменять на муку и прочую бакалею.

Питер Грин, начальник острова, видел в телескоп, как они шли рядом, вельбот и барк. «Парусник удался от берега, и мы видели наш вельбот у него за кормой», — писал он. — Они были на расстоянии четырех миль от нас. Когда парусник снова стал виден, то наша лодка оказалась так далеко на востоке, что ее уже разглядеть было невозможно. Мы высматривали вельбот целую ночь. Наутро отправили две поисковые партии по берегу вокруг острова. Но они не обнаружили никаких следов вельбота».

И никто его больше не видел. Первая мысль была: что-то случилось с вельботом, и люди с лодки перебрались на барк. Долгое время оставшиеся на берегу были уверены, что их родственники найдутся. Но капитан барка («Вест-Райдин») на запрос ответил, что у него не было контакта с островным вельботом и он не может объяснить его исчезновение.

Море, правда, было беспокойно в тот день, но знаменитые тристанские гребцы отваживались часто выходить в море и в худшую погоду. Питер Грин был уверен, что он видел, как вельбот достиг парусника. Возможно, вельбот оказался перегруженным: пятнадцать человек и скот. В таком случае вся команда, вероятно, утонула.

Отец Хагэна погиб тогда. Его мать потеряла трех своих братьев. На острове после этой катастрофы осталось всего четверо взрослых мужчин, один из которых — больной, идиот. И люди решили покинуть этот остров трагедий и поселиться в Южной Африке. Вот каким образом Хагэн попал в Кейптаун.

Естественно, что тристанцы никогда не забудут того бедствия. Если мужчины отправляются в далекий рейс к группе птичьих островов за яйцами и если они задерживаются с возвращением, память о бывшей трагедии не дает покоя измученным женщинам.

Я уже упомянул, что трагедия имела медицинские последствия. Одно из этих последствий — необъяснимая загадка природы: на острове рождается больше мальчиков, чем девочек, так что с течением времени мужское и женское население острова было сбалансировано снова. Видимо, этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что на Тристане больше старых женщин, чем старых мужчин. Хагэн говорил мне, что у женщин острова никаких отклонений от нормы нет, кроме редких «припадков». Из последующих его пояснений я понял, что в данном случае имеет место обыкновенная истерия, вызванная, по всей видимости, суровыми моральными обетами, неукоснительно соблюдаемыми в островной общине. Некоторых из подверженных таким «припадкам» женщин посещают религиозные видения. Все побывавшие на острове доктора диагностировали подобные «припадки» как подсознательный протест против обетов, вызванный длительным подавлением естественных эмоций. Я не

склонен относиться к этому явлению серьезно, поскольку женщины в других отдаленных общинах страдают теми же нервными заболеваниями.

Роды на Тристане не составляют опасной проблемы, хотя проходят без квалифицированной медицинской помощи — эта помощь для островитян недоступна. Около восьмидесяти лет назад один морской врач проверил островные метрические книги и отметил, что только пятеро из всех рожденных там детей умерло в детстве. Когда я побывал на Тристане вскоре после первой мировой войны, там жила одна акушерка, которая научилась своему искусству от матери и передала его потом двум дочерям. Они не употребляли никаких антисептических средств. И тем не менее дети на Тристане не умирали, хотя, правда, несколько младенцев родились мертвыми.

Немногие из вас, вероятно, согласятся со мной, если я скажу, что один из ключей к секрету тристанского долголетия может быть обнаружен в том факте, что каждый рождающийся здесь ребенок вскармливается молоком матери. Более того, детей не отнимают от груди, пока им не исполнится двенадцать, а то и шестнадцать месяцев! Несомненно, такая необходимость возникает из-за нехватки коровьего молока. Многие маленькие островитяне и сегодня редко пробуют свежее молоко после того, как мать перестает кормить их грудью.

Тристан — остров больших семей почти с того самого времени, как на нем поселились люди. Когда на остров прибыл первый священник — около ста лет назад, — он нашел там всего девять семей в среднем с семью детьми каждая.

Наиболее знаменательной для медиков была история капрала королевской артиллерии тристанца Уильяма Гласса. Он прожил шестьдесят семь лет, несмотря на признаки злокачественного поражения кожи на лице и особенно на губах. Кроме этого, ни одного случая заболевания раком не было зарегистрировано на Тристане ни до смерти Гласса в 1853 году, ни после нее. Таким образом, огромный интерес, который проявляет современный мир к этому далекому острову, обусловлен не только долголетием его жителей, но и отсутствием среди них раковых заболеваний.

Многие тяжелые болезни незнакомы тристанцам. Незадолго до второй мировой войны целая команда медиков в течение нескольких недель обследовала население острова, брала анализы крови и проверяла зрение; медики установили, что имеют дело с самой здоровой человеческой общиной на земле. Никаких признаков венерических болезней, туберкулеза, артрита, почечных заболеваний, диспепсии.

Каждый медик, высаживаясь впервые на Тристане, поражается великолепию телосложения мужчин, женщин и детей. Мужчины довольно высоки, но не походят на цирковых силачей. Они производят впечатление мускулистых крепышей, а не громадных здоровяков. Женщины почти все до конца жизни сохраняют стройность фигуры. Изысканность ног, без повреждений или деформации, обеспечивается, по-видимому, удобной обувью — мокасинами из воловьих шкур, которые женщины носят все время. Молодые юноши и девушки иногда шуточно борются между собой; неосторожный парень легко может оказаться при этом на земле, побежденный худенькой девчонкой. Люди постарше состязаются в скорости, преодолевая крутые горные склоны с тяжелой ношей на плечах.

Я полагаю, не нужно доказывать того бесспорного факта, что Тристан добр только к тем, кто не позволяет себе шутить с его горными высотами и морскими пучинами. Однако тристанцы непозволительно легкомысленно обращаются с неизвестными бочонками и ящиками, в результате чего большинство из них ходит с грыжей. И они продолжают таскать груз и ворочать тяжелыми веслами в лодках без бандажей и даже без кистевых перевязок. Несколько старомодных бандажей, найденных на острове, являются скорее семейными реликвиями, чем вспомогательным медицинским средством.

Зрение тристанцев, наверное, самое лучшее среди жителей земного шара. Интересно было бы наблюдать состязание в дальноточности между ними и южноафриканскими бушменами, которые тоже феноменальны в этом отношении. Эта уникальная способность тристанцев особенно удивительна для тех, кто впервые попадает на остров: островитяне различают корабль на горизонте и даже могут описать вам всю оснастку судна еще задолго до того, как человек с обычным зрением вообще увидит его. Тристанцы — не ахти какие любители чтения, но все же следует отметить, что они не пользуются очками даже в старости.

Один священник, живший на Тристане незадолго до второй мировой войны, подчеркивает в островитянах какое-то не свойственное обычным людям сверхъестественное чутье. Они, казалось, знали заранее, когда их остров посетит корабль; их возбуждение накануне такого события передавалось собакам, и те всю ночь напролет лаяли и выли... И ни разу за все годы пребывания этого священника на острове не было случая «ложной тревоги».

Когда судно приходит из какой-нибудь густо населенной страны, островитяне в скором времени начинают страдать от простудных заболеваний (корабль из Антарктики не заносит инфекции на остров — это было отмечено еще первыми американскими китобоями). В перерывах между кораблями простудные заболевания на острове не зафиксированы. Эпидемия вскоре сходит на нет; создается впечатление, что микробам этих заболеваний постоянно требуется свежий человеческий материал, чтобы продлить свое существование и размножаться, но они не находят такого материала на острове. На Тристане злая зима, но все равно дождь и сильные ветры не вызывают у людей простуды.

Хагэн говорил мне, что он совсем не чистил зубы, когда жил на острове. Свою первую зубную щетку он приобрел в Кейптауне. «Никто, — сказал он мне, — не чистит регулярно зубов на Тристане, кроме пастора и членов его семьи (если таковой есть вообще). Некоторые трут зубы тряпичей, смоченной в соленой воде, перед тем как идти в воскресенье в церковь, но зубные щетки и зубная паста почти никому на острове не знакомы».

Это привело меня к открытию следующего тристанского чуда: у островитян лучшие в мире зубы. На острове побывало за последние годы с полдюжины дантистов. Один норвежец даже привез с собой рентгеновскую установку и лабораторное оборудование. Он сделал рентгеновские снимки и слепки челюстей всех островитян: от крохотных зубов годовалого младенца до пожелтевших от никотина клыков восьмидесятилетнего Сэма Свейна. Один рот за другим оказывались безупречными, и он продолжал их дотошно исследовать в поисках хотя бы маленькой каверны в зубе.

Вознаградили его в некоторой степени замужние женщины. Большинство их сообщило дантисту,

что они не испытывали зубной боли до тех пор, пока не забеременели. Короче говоря, дантист сообщил в своем отчете, что половина жителей острова совсем не страдает зубными заболеваниями — процент очень высокий. Если кариес обнаруживают, он очень незначителен и редко проникает в глубь зуба. Чаще всего поражен только один зуб, и пациент, как правило, даже не знает об этом.

Анализ слюны показал наличие у одного островитянина кислотообразующей бактерии *Bacillus acidophilus*. Это был человек, только что возвратившийся из Кейптауна, где он прожил год. Повторный анализ через несколько недель удостоверил, что бацилла исчезла. Болезни десен тоже редки среди тристанцев. Почти у каждого взрослого есть камни на зубах, но это безболезненное явление. Зубы у всех слегка желтоватые, но крепкие и ровные. Ссылки отдельных медиков на пиорею, очевидно, недоказательны. Дантист, побывавший на Тристане за шесть лет до норвежца, заявил, что он обнаружил там два случая этого заболевания, но, как потом выяснилось, оба его пациента родились не на острове.

Отличные зубы и великолепное здоровье зависят в определенной степени от рациона питания. Я собирался даже сказать «в большой степени», но в таком случае здоровяки-тристанцы снабдили бы медицинскую науку еще одной проблемой-тайной, а мне не хочется выглядеть догматиком...

Давайте познакомимся с пищевыми ресурсами островитян, а потом снова вернемся к их здоровью. Их рацион — это однообразная диета: рыба и картофель. Весной в меню появляются репа и капуста, морковь и лук. Яблоки собирают в это же время еще зелеными, ибо если их оставить дозревать, то все достанется крысам. Ранний картофель выкапывают перед рождеством, и в праздник некоторые позволяют себе роскошь нарезать овцу. Охотники отправляются в глухие уголки острова и стреляют там диких коз. С января по апрель меню разнообразится также малимаками³ и их жирными птенцами.

С апреля по август на Тристане — скудный сезон, потому что рыба и картофель царят безраздельно. Весьма мрачный период тристанской жизни — когда запасы картофеля кончаются, а погода совсем неподходящая для рыбной ловли. Островитянам знакомы и настоящие голодные зимы.

Август и сентябрь — месяцы яиц, когда альбатросы, пингины и другие морские птицы тысячами собираются на Соловье, Недоступном и остальных островах тристанской группы. Около двадцати тысяч уток-качурок забивают тристанцы в это время на мясо, часть из них идет на вытапливание жира. Пингинов едят редко, их салом, как я уже говорил, заправляют осветительные лампы.

Сам остров немалое может добавить к этому меню. Островитяне держат кур и гусей, но не столько для еды, сколько для продажи заходящим судам. Местная ягода, похожая на нашу клюкву, растет в узких ущельях вдоль побережья, но собирать это лакомство — дело нелегкое.

Соль добывалась раньше из морской воды, сейчас она всегда есть в магазине, однако местные повара и хозяйки употребляют ее совсем мало или вообще обходятся без нее. Соль также никогда не использовалась для сохранения рыбы, мяса или убитых морских птиц. Много полезной пищи

портится из-за этого в летний период, но если своим добрым здоровьем островитяне обязаны хотя бы отчасти свежей и простой пище, употребляемой без соли, то этот ущерб компенсируется с лихвой.

Как приправа в суп идут дикорастущие сельдереи и горчица. В тех случаях, когда не хватает привозного чая, для заварки используется свой, «островной чай» из местных трав.

В наши дни на острове появился магазин. У жителей Тристана есть теперь и собственный промысел: каждое лето они собирают в море лангустов на вывоз и имеют возможность на заработанные деньги покупать у внешнего мира те продукты питания и предметы быта, которые раньше считались для них непозволительной роскошью. Может быть, это явление временное, а весьма возможно, что это означает для тристанцев «новый образ жизни». Так или иначе, оно ничего не определяет в существовании тристанской «медицинской мистерии», потому что поколения долгожителей вырастали в тот период, когда мука и сахар, чай и кофе были для них почти недоступны.

Не нужно быть диетврачом, чтобы знать, что в старом, традиционном меню тристанцев отсутствовали многие продукты питания, которые в цивилизованном мире считаются основными. Масло здесь, к примеру, — продукт довольно редкий. На острове не растет пшеница, так что жителям Тристана месяцами приходится сидеть без хлеба. Они голодают, правда, но не умирают от этого. А нехватка многих главных, «основных» компонентов в пище, тем не менее, не приводит к рахиту или цинге.

Все дантисты сходятся во мнении, что зубам нужна твердая пища, иначе они будут разрушаться. Между тем тристанская диета почти целиком состоит из «мягкой» пищи. Маленьким детям, когда у них прорезаются зубы, дают жевать вареные бараньи кости, но они очень быстро переходят на «мягкую» рыбу и картофель.

Я не представил бы вам полной картины Тристана в медицинском отношении, если бы не рассказал о тех заболеваниях, которые на острове все-таки имеются. О простуде я уже говорил. Эпидемия свинки была один раз в прошлом столетии и один раз — в нынешнем. Дизентерия уже зарекомендовала себя на острове как летняя болезнь, ибо островитяне плохо знакомы с правилами гигиены и не задумываются над тем, что с мухами можно бороться.

Доктора обнаружили только один случай язвы двенадцатиперстной кишки, да и то у человека, который пятнадцать лет своей жизни прожил вне острова. Цивилизация подняла также его кровяное давление. Обычно даже у семидесятилетних тристанцев оно в норме.

Но и тристанцам не удалось избежать наследственной аллергии. Ее привезли с собой две женщины с острова Св. Елены и один из первых поселенцев-англичан. С тех пор, вот уже полтора столетия, астма и мигрень, катар и экзема передаются по наследству из поколения в поколение.

Бен Свейн, мужчина с изуродованными руками, может многим визитерам из внешнего мира внушить идею о вырождении поколения из-за кровосмесительных браков. Бен — овчар и пастух, свои обязанности он выполняет хорошо. Когда я познакомился с ним, он оказался веселым парнем, несколько не отсталым в умственном отношении, вечно насмывающимся что-то себе под нос. Он, правда, страдал припадками, но даже такой человек, уступающий в физическом развитии среднему тристанцу, сумел дожить до глубокой старости.

³ Малимак — альбатрос, буревестник.

Я ожидал встретиться со случаями наследственной неполноценности в результате большого количества кровосмесительных браков. Но Тристан преподнес мне новый сюрприз. Мой приятель, морской врач, убедился в отсутствии каких-либо признаков вырождения в островных семьях: если родители, как говорится, здоровой породы, то их отпрыски не только не имеют склонностей к болезням, но, наоборот, обнаруживают тенденцию аккумулировать в себе все необходимые качества для укрепления здоровья. Тристанец как физический тип стоит выше среднечеловеческого; особенно это видно на детях. Но они застенчивы, и их лица невозмутимы, поэтому у некоторых пришельцев из внешнего мира создается ошибочное представление об их тупости. Стоит только им преодолеть свою скованность, как они обнаруживают ум, доброту и воспитанность.

В период моих первых посещений Тристана (в 1923 году) лишь один островитянин из пяти умел читать и писать. Словарный запас у таких грамотеев был весьма невелик, представление о внешнем мире — довольно смутное, однако в своем кругу они считались людьми выдающимися. Зато в строительном искусстве и в управлении лодкой тристанцы не знали себе равных и вызывали восхищение у бывалых моряков — а идиоты, как известно, такими качествами не обладают.

Огэстес Эрл, английский художник и натуралист, был, кажется, первым посетителем Тристана, который пытался объяснить феномен здоровья островитян. Он провел на острове восемь месяцев в 1824 году после того, как судно, на котором он приплыл, было унесено сильным штормом в море. Эрл отмечает в своем дневнике «удивительные результаты ежедневного физического труда и умеренности в еде».

Питер Грин, голландец, мудро правивший островом целых полвека, имел у себя запас лекарств и медикаментов и помогал островитянам, когда они в этом нуждались. Он свидетельствует, что к помощи его лекарств приходилось прибегать так редко, что пополнить запасы медикаментов понадобилось только через двадцать лет. Сам Питер Грин умер в начале нашего века в девяносто четыре года.

Следует отметить, что тристанский образ жизни не всегда нравился миссионерам, жившим на острове. Миссис Бэрроу, супруга священника, пробывшего здесь три года в начале XX века, писала о своем муже вскоре после того, как они покинули Тристан: «Бедный Грэхем, он так сдал, что выглядит на двадцать лет старше».

Был еще один священнослужитель, мой приятель преподобный Генри Мартин Роджерс. Когда я попал на Тристан в 1923 году, он жил на острове уже целый год и провел там еще больше двух лет в ожидании судна, которое увезет его оттуда. Его ребенок, родившийся на острове, и жена хорошо себя там чувствовали, но все же то был тяжелейший период в истории Тристана, и бедняга Роджерс умер вскоре после возвращения в Англию. Я убежден, что в его безвременной кончине повинны те тяготы и лишения, которые пришлось ему вынести во время своего добровольного изгнания на Тристан. Весь последний год своей жизни на острове он с семьей влачил почти голодное существование. Вот одна из его записей в дневнике: «Сегодня у нас на обед был чай. И на ужин — тоже чай. Дети все время бегают по чужим кухням, где готовится еда... Но я не виню их».

Даже те из пришельцев, кто познал голод на Тристане, продолжают любить свой одинокий остров

и мечтают увидеть его вновь. В одной из своих последних проповедей тот же Мартин Роджерс заявил: «Рев атлантических волн все еще звучит в моих ушах, я до сих пор чувствую запах водорослей на берегу, и перед моими глазами, как живые, стоят умоляющие, заплаканные лица людей, которые просят нас возвратиться поскорее, — поэтому мое сердце всегда там, и я не теряю надежды когда-нибудь снова вернуться в эту маленькую островную общину, к своей пастве, которую я люблю на всю жизнь!».

Тристан все еще хранит свой секрет. Я не могу сказать вам, почему эти полуголодные островитяне, живущие во влажном климате и не выполняющие элементарных правил гигиены, смогли стать самыми здоровыми людьми на земле. Пища, климат, сложившиеся привычки и жилищные условия, почти полное отсутствие инфекционных заболеваний и наследственность — вот, на мой взгляд, факторы, в какой-то степени влияющие на создание таинственного феномена. Даже такой простой и давно известный «фактор», как случайный или периодический пост, может быть, более полезен для удлинения жизни, чем мы себе представляем. Естественная пища без добавлений, имеющих сомнительную ценность в данных условиях, может дополнить приведенный мной перечень. Возможно, цивилизованным народам тоже стоило бы уделять больше внимания свежей рыбе и картофелю. Важно и то, что на Тристане нет никаких самодельных алкогольных напитков, да и вообще не употребляется ничего достойного упоминания в этом смысле; здесь очень мало курильщиков — и эти факторы также нельзя сбрасывать со счетов.

В конце концов есть сам остров, очень далекий от внешнего мира, остров, который самим фактом своего существования не может не играть хотя бы какой-то роли в создании этой медицинской мистерии. И страдающий ностальгией островитянин, как мне думалось, может приблизить меня к сущности тайны гораздо скорее, чем квалифицированные медики. С таким человеком — звали его Том Роджерс — я познакомился в Кейптауне, куда он периодически приезжал раз в год в больницу лечить варикозную язву на левой ноге — единственное заболевание такого рода на Тристане. Том Роджерс был также единственным островитянином, имевшим вставные зубы, которые он с гордостью демонстрировал тем, кто никогда не видел подобно дива.

Он был уже стариком, когда покидал Кейптаун в последний раз. Он познал цивилизацию достаточно хорошо и тосковал всякий раз по своему вулкану в середине океана, с его унылой вершиной, окутанной облаками, по картофельным полям и покрытым тростником хижинам, — все это он называл своим домом. Нога его не зажила окончательно, но ему не терпелось удрать домой. Я желал знать больше, мне очень хотелось услышать из его уст что-нибудь, относящееся к секрету Тристана, и я прижал к стенке беднягу Тома, допытываясь, почему он так торопится уехать из Кейптауна. Он сказал наконец:

— Здесь, в городе, всегда шум и гвалт, и все носят тяжелую одежду. И все едят утром, днем и вечером. Вы спрашиваете меня, почему я возвращаюсь на свою землю? Я не могу долго быть в городе, мне совсем не интересно стало здесь, мистер, и я еду назад, на мою родину, уже навсегда. Вот и все.

(Продолжение следует)